

Азаров В. Н. Политическая жизнь Урала в первые годы НЭПа / В. Н. Азаров // Научный диалог. — 2015. — № 4 (40). — С. 8—18.

УДК 94(47).084.3(470.5)

Политическая жизнь Урала в первые годы НЭПа

© **Азаров Вячеслав Николаевич (2015)**, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), vnazarov.urfu@yandex.ru.

Статья посвящена изучению политического развития Урала в первой половине 1920-х гг. Основное внимание уделяется рассмотрению особенностей формирования однопартийной системы в уральском регионе. Обращается внимание на централизованный, бюрократический характер большевистской партии и вытекающую отсюда полную зависимость уральских руководителей от действий высшего руководства РКП(б). Рассматривается процесс назначения на ключевые должности в уральском регионе. Отмечается, что в рассматриваемый период большевистские партийные комитеты полностью контролировали деятельность советских и хозяйственных учреждений. Анализируется характер и содержание общепартийной дискуссии конца 1923 — начала 1924 гг. в уральских организациях большевистской партии. Показано значение этого события для понимания общей политической ситуации на Урале. Отмечается, что в ходе внутривнутрипартийной борьбы в 1920-е гг. вопросы экономического развития страны и региона неизменно оставались на втором плане, уступая по степени внимания и остроте обсуждения проблемам внутривнутрипартийной жизни. На основе анализа политической ситуации на Урале в первой половине 1920-х гг. делается вывод о пагубности режима однопартийной диктатуры для социально-экономического и политического развития общества.

Ключевые слова: политическая жизнь; уральский регион; НЭП; большевизм; внутривнутрипартийная борьба.

Экономические реформы 1920-х гг. в Советской России не сопровождались либерализацией политической жизни страны. Напротив, в это время происходило систематическое ужесточение политического режима, ставшее следствием монопольного положения большевистской партии. Определённое оживление общественно-политической жизни, вызванное переходом к НЭПу весной 1921 г., оказалось очень кратковременным. Уже в 1922 году по инициативе высшего партийного и государственного руководства были предприняты шаги по насильственной высылке из страны видных представителей гуманитарной интеллигенции, критически настроенных к марксистской идеологии, ужесточена цензура, усилены репрессии против церкви и социалистических партий эсеров и меньшевиков. Окончательное утверждение в Советской России в начале 1920-х гг. однопартийной политической системы привело к созданию ситуации, когда все важнейшие вопросы государственной, экономической и общественной жизни решались исключительно в рамках большевистской идеологической доктрины. Определение политического курса, принятие конкретных управленческих решений как на уровне центральных органов власти, так и в регионах оказалось в полной зависимости от характера и результатов развернувшейся в большевистской партии в условиях НЭПа ожесточённой внутрипартийной борьбы.

Основные тенденции политического развития советского общества в 1920-е гг. чётко просматриваются при изучении общественно-политической жизни Урала в анализируемый период. Более того, процесс утверждения однопартийной диктатуры развивался в регионе быстрее и прямолинейнее, чем в российских столицах. На Урале уже к концу гражданской войны большевистская партия превратилась в единственную политическую силу не только по существу, но и формально. Для уральских организаций большевистской партии всегда были характерны высокая степень централизма, минимальный уровень выборности и самоуправления. До осени 1923 года деятельность партийных организаций Екатеринбургской, Пермской,

Челябинской и Тюменской губерний контролировалась специальным органом — Уралбюро ЦК РКП(б). После объединения в ноябре 1923 года четырёх названных губерний в единую Уральскую область с центром в Екатеринбурге руководство высшей партийной инстанции региона — Уральского областного комитета РКП(б) (Уралобком) формально выбиралось местными парторганизациями по сложной, многоступенчатой системе, но фактически назначалось Секретариатом ЦК. Очень показательной для политической ситуации в регионе является реакция уральских руководителей на упоминавшиеся ранее действия центральных властей, направленные на ужесточение политического и идеологического режима в стране, предпринятые в 1922 году. Местные руководители восприняли эти меры только как очередную кампанию, безусловно, важную, но не особенно выделяющуюся из числа многих других. После перехода к НЭПу на Урале не было массовых выступлений против диктатуры большевиков, любое проявление недовольства существующим режимом подавлялось с помощью системы государственного принуждения. Поэтому на протяжении 1920-х гг. центральное и местное партийное руководство значительно больше беспокоили действия оппозиционных групп в рядах самой большевистской партии, чем отдельные разрозненные выступления, в основе которых лежало принципиальное неприятие большевизма.

В ходе внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. на Урале вопросы экономической политики, социально-экономического положения в стране и в самом уральском регионе неизменно оставались на втором плане, уступая по степени внимания и остроте обсуждения вопросам идеологии и внутрипартийного положения. Такая ситуация в первую очередь была обусловлена централизованной структурой большевистской партии. Основные направления социально-экономического развития страны определялись высшим руководством РКП(б), а роль местных, в том числе уральских партийных, советских и хозяйственных органов сводилась преимущественно к ис-

полнению экономических директив центральных органов власти. Но дело было не только в этом. Большинство уральских руководителей, партийных активистов и рядовых членов партии отличали консервативные настроения, нежелание и неспособность выйти за рамки ортодоксальной большевистской доктрины. Переход к НЭПу вызвал очень сдержанную реакцию в уральских организациях РКП(б). Например, в Екатеринбургской губернии выступления на партийных собраниях и активах в 1921—1922 гг. в поддержку последовательного осуществления НЭПа, смягчения политического режима в стране носили единичный характер. Преобладали настроения, состоявшие в восприятии НЭПа как временной меры, как политики крайне опасной для господствующего положения большевистской партии [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 78, л.118]. Нередки были случаи добровольного выхода из РКП(б) тех её членов, в первую очередь рабочих, которые оценивали НЭП как недопустимое отступление от идеологических принципов большевизма. В целом численность большевистских организаций Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губерний в течение 1921—1922 гг. сократилась почти на 40 %, с 52,5 до 33,8 тысяч человек [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 78, л. 147, д. 134, л. 77, д. 147, л. 35; ф. 4, оп. 2, д. 2а, л. 42]. Разумеется, причины резкого сокращения состава правящей партии в первые годы НЭПа нельзя свести к росту недовольства рядовых коммунистов политикой партийного руководства. В этот период социальный состав РКП(б) жёстко регулировался, проводились так называемые «чистки» партии. Основную массу исключённых и добровольно вышедших из РКП(б) на Урале составляли крестьяне, вступившие в партию в годы гражданской войны в надежде таким образом хоть как-то защитить свои имущественные и личные права. С переходом к НЭПу данный мотив нахождения в рядах РКП(б) утратил актуальность. Тем не менее сама тенденция неуклонного роста количества уральских организаций большевистской партии в годы гражданской войны и «военного коммунизма» и резкого сокращения в условиях

частичных экономических реформ и ослабления репрессий является весьма показательной и красноречивой.

Консерватизм и недальновидность уральских руководителей проявилась также в их преимущественно негативном отношении к выдвигавшимся в 1922—1923 гг. предложениям по разграничению функций партийных, советских и хозяйственных органов управления. Вопрос о необходимости такого разграничения в условиях НЭПа был поставлен на XI съезде РКП(б) в 1922 году. При этом речь не шла об отказе от партийного контроля за деятельностью государственных учреждений, говорилось только о необходимости прекращения вмешательства в их повседневную практическую работу. Решения XI съезда о разграничении функций партийных и государственных органов не были выполнены. Из высшего руководства РКП(б) на реальных действиях в этом направлении настаивал только Л. Троцкий, за что весной 1923 года был обвинён в принижении руководящей роли партии [Двенадцатый съезд..., 1968, с. 817]. Но даже гипотетическая постановка вопроса об ослаблении бюрократического партийного контроля вызвала неприятие со стороны уральских руководителей. В июле 1922 года Уралбюро ЦК опубликовало циркуляр с впечатляющим названием «О взаимоотношениях партийных и советских органов, разделении труда и формах руководства советскими, хозяйственными органами». Этот документ решал вопрос о сочетании общего руководства партийными органами деятельностью государственных структур с невмешательством в их повседневную, текущую работу таким образом, что за пределами постоянного контроля партаппарата оставалась разве что техническая, канцелярская сторона работы советских и хозяйственных учреждений. Согласно циркуляру Уралбюро ЦК советские и хозяйственные органы должны были не только следовать общепартийной линии, выработанной съездом или конференцией, но и выполнять любые директивы губернского или районного партийного комитета в сфере подчинения которого они находились и который к тому же получал неограничен-

ное право инспектирования их работы. В области кадровой политики утверждению соответствующего парткома или его аппарата подлежали не только руководители советских и хозяйственных учреждений, но и все работники, занимающие в них сколько-нибудь ответственные должности [Уральский коммунист, 1922, № 1, с. 99].

Справедливости ради нужно отметить, что в данном вопросе уральские руководители правильно поняли позицию центрального руководства РКП(б), которое не собиралось выполнять собственные решения. Характерна в этом отношении полученная Уралбюро в январе 1923 года инструкция ЦК РКП(б), подписанная В. В. Куйбышевым, которая в категорической форме требовала не допускать в советском и профсоюзном делопроизводстве хранения выписок из протоколов парткомов, а также каких-либо ссылок на решения партийных органов в обоснование тех или иных решений советских, хозяйственных или профсоюзных организаций [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 205, л. 2]. Пожалуй, эта напоминающая бюрократический анекдот мера оказалась единственным «практическим» действием и на Урале, и в стране в целом в ходе кампании 1922—1923 гг. по разграничению функций партийных и государственных органов власти.

На политическую жизнь уральского региона в начале 1920-х гг. прямое воздействие оказала развернувшаяся в это время ожесточённая борьба за лидерство в высшем руководстве РКП(б), в ходе которой, как известно, стремительно усиливались позиции И. Сталина и его сторонников, контролировавших центральный и местный партийный и государственный аппарат. В июне 1922 года по инициативе Секретариата ЦК было смещено руководство Уралбюро и Екатеринбургского губкома; одновременно с Урала в распоряжение центра отзывалось несколько местных руководящих работников. Это решение не имело ничего общего с экономической или политической ситуацией в регионе, а диктовалось исключительно логикой внутривнутрипартийной борьбы. Дело в том, что во время так называемой дискуссии о профсоюзах в конце 1920 — начале 1921 гг. большинство ураль-

ских руководителей поддержали позицию Л. Троцкого, и теперь их лояльность вызывала обоснованные сомнения у представителей сталинской фракции. В результате процесс смены руководства уральских парторганизаций принял откровенно скандальный характер. Особенно наглядно это проявилось в отношении секретаря Екатеринбургского губкома РКП(б) Н. Уфимцева. Решение о его смещении было принято на закрытом заседании нового состава Уралбюро, при этом от Уфимцева потребовали немедленно, с «первым отходящим поездом» отправиться в Москву, в распоряжение ЦК [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 69, л. 228—229]. Такая поспешность объяснялась приближением сроков губернской партийной конференции, которая согласно уставу РКП(б) и должна была решать вопрос о выборах нового состава губкома. После отказа Н. Уфимцева и его сторонников подчиниться решению Уралбюро удалось выполнить только благодаря вмешательству срочно прибывшего в Екатеринбург секретаря ЦК В. М. Молотова. Впрочем, выступая на губернской партконференции, Молотов не сумел (или не посчитал нужным) внятно объяснить необходимость столь спешных изменений в руководстве Екатеринбургской губернии [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 457, л. 64—67, 68]. Данная история, выйдя за рамки бюро и комитетов, наглядно продемонстрировала бюрократический, сверхцентрализованный характер большевистской партии, методы работы партийного аппарата, его нетерпимость к любому проявлению инакомыслия и стремление контролировать положение в парторганизациях путём фактического назначения их руководителей. В силу монопольного положения большевистской партии в обществе такая ситуация, типичная не только для уральских губерний, но и для всей страны, затрагивала не только коммунистов, но и отражалась на условиях жизни большинства населения, которое не имело реальных возможностей влиять на решения центральных и местных органов власти.

Заметным событием в общественно-политической жизни Урала в первые годы НЭПа стала общепартийная дискуссия конца 1923 —

начала 1924 г., посвящённая проблемам внутрипартийной жизни и экономического развития страны. Начало открытой дискуссии, как известно, положило знаменитое письмо Л. Троцкого «Новый курс», опубликованное в декабре 1923 года в печати и содержащее требование отказа от бюрократического централизма и расширения внутрипартийной демократии. Бурное обсуждение этих вопросов в уральских парторганизациях показало наличие широкого недовольства положением дел в партии, в первую очередь превращением основной массы коммунистов в пассивный объект воздействия со стороны партийного руководства. Однако если рассматривать характер и содержание дискуссии 1923 года в уральском регионе не с точки зрения интересов правящей партии, а исходя из интересов развития общества, то нельзя не обратить внимания на два обстоятельства. Во-первых, сторонниками демократизации внутрипартийной жизни выступили люди, которые руководили уральскими коммунистами в годы гражданской войны и «военного коммунизма» и никогда прежде не отличались демократическими методами работы. Хотя, конечно, взгляды и убеждения могут меняться не только из конъюнктурных соображений. Поэтому более важно другое. Сосредоточение основного внимания на внутрипартийных проблемах привело к тому, что во время дискуссии практически отсутствовало серьёзное обсуждение вопросов экономического развития страны в условиях НЭПа. Публикация в дискуссионных сборниках, издававшихся Уралобкомом, отрывков из выступлений и статей видных представителей большинства и оппозиции, две-три резолюции партийных собраний в Челябинске, содержавшие пункты о поддержке экономических требований оппозиции (Челябинская парторганизация оказалась единственной на Урале, в которой большинство коммунистов в ходе дискуссии поддержали экономическую и политическую платформу оппозиции), дискуссионные статьи заместителя председателя Челябинского окружного исполкома П. Гаевского, объявленные областным руководством антипартийными и клеветническими [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 420,

л. 11, 85—86, 230], — эти немногочисленные факты по существу исчерпывают событийный ряд обсуждения в уральских парторганизациях разногласий по экономическим вопросам. В резолюции пленума Уралобкома от 6 января 1924 года, подводившей итоги дискуссии на Урале, выражалась полная поддержка политической и организационной линии ЦК РКП(б), осуждались взгляды и предложения оппозиции по вопросам внутрипартийной жизни, но о разных подходах к проблемам социально-экономического развития страны не говорилось ни слова [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 420, л. 216—217]. Такое узкопартийное содержание дискуссии в регионе во многом объясняется невысоким образовательным уровнем большинства уральских коммунистов. По данным Уралобкома на 1 октября 1925 года из более чем 2,5 тыс. коммунистов, занимавших руководящие должности в партийных, советских и хозяйственных организациях области, 2167 человек (85,7 %) имели только начальное образование [ЦДООСО, ф. 4, оп. 3, д. 7, л. 46—53]. Эти люди просто не могли самостоятельно разобраться в сложных экономических проблемах, связанных с государственным планированием, взаимодействием различных секторов многоукладной экономики, ролью частного капитала, ставших предметом острых разногласий между большинством ЦК РКП(б) и внутрипартийной оппозицией. Тем не менее отказ от обсуждения социально-экономических вопросов в ходе общепартийной дискуссии в крупнейшем регионе страны, независимо от причин, приведших к такой ситуации, лишней раз демонстрирует пагубность режима однопартийной диктатуры для развития общества.

Дискуссия конца 1923 — начала 1924 гг. стала последним событием в политической жизни Урала в 1920—1930-е гг., когда более или менее значимые вопросы выносились на открытое обсуждение. В дальнейшем роль уральских партийных организаций сводилась к безоговорочному одобрению решений сталинского руководства большевистской партии. Выступления представителей оппозиции, пусть мужественные и драматичные, носили единичный характер

и не оказывали существенного влияния на политическую ситуацию в регионе.

Источники и принятые сокращения

1. *Двенадцатый* съезд РКП(б) : стенографический отчёт. — Москва : Политиздат, 1968. — 883 с.
2. *Уральский коммунист* : журнал. — Екатеринбург : Издание Уралбюро ЦК РКП(б). — 1922. — № 1.
3. ЦДОСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области.

Political Life in Urals in Early Years of New Economic Policy

© Azarov Vyacheslav Nicolaevich (2015), PhD in History, associate professor, Department of Foreign Regional Studies, Institute of Social and Political Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg), vnazarov.urfu@yandex.ru.

The paper studies the Urals political development in the first half of the 1920s. Main attention is paid to the features of formation of one-party system in the Urals region. Attention is drawn to the centralised, bureaucratic nature of the Bolshevik Party and the consequent complete dependence of the Ural leaders' actions on the Russian Communist Party (Bolsheviks) senior management. The process of appointment to key positions in the Urals region is considered. It is noted that in that period the Bolshevik party committees fully controlled the activities of government and economic institutions. The character and content of general Party discussion in the end of 1923 and the beginning of 1924 in the Ural Bolshevik Party organisations is analysed. The importance of this event for the understanding of the general political situation in the Urals is demonstrated. It is noted that in the inner-party struggle in the 1920s the problems of economic development of the country and the region always remained in the background, conceding to the degree of attention and sharpness of the discussion of the problems of inner-party life. Based on the analysis of the political situation in the Urals in the first half of the 1920s the conclusion

about the malignity of one-party dictatorship to the socio-economic and political development of society is made.

Key words: political life; Ural region; New Economic Policy (NEP); Bolshevism; inner-party struggle.

References

- Dvenadtsatyy s'ezd RKP(b): stenograficheskiy otchet.* 1968. Moskva: Politizdat.
- Ural'skiy kommunist: zhurnal.* 1922. Ekaterinburg: Izdanie Uralbyuro TsK RKP(b), 1.
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti.*